

УДК 111.8 + 115 + 123 + 130.1

О. М. Мухутдинов

ВРЕМЯ И «Я МЫСЛЮ». ПОНЯТИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КРИТИКЕ ЧИСТОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА КАНТА*

Феномен трансцендентальной субъективности прежде всего связывается с понятием трансцендентального единства апперцепции «Я мыслю», сопровождающим все представления. Полное определение феномена трансцендентальной субъективности предполагает исследование отношения единства апперцепции к чистому первичному пассивному синтезу времени. Трансцендентальная субъективность является основанием возможности чистых синтетических суждений а priori и источником происхождения основных онтологических категорий. Трансцендентальная субъективность является принципом конституции мира природы как взаимосвязи явлений по законам рассудка и одновременно — принципом конституции мира практической свободы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: трансцендентальная субъективность, синтез, время, «Я мыслю», практический разум, свобода.

Темой настоящего небольшого исследования является феномен трансцендентальной субъективности. Исследование носит вводный характер: на примере кантовской системы критики разума здесь демонстрируются возможные пути выявления субъективности субъекта. Традиционно представление о трансцендентальной субъективности связывается с картезианской идеей *res cogitans* — «мыслящей субстанции», являющейся непоколебимым основанием достоверного познания. Но если Декарт включает в понятие мышления «все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем», и таким образом указывает, что «не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [1, 316], то обсуждение идеи трансцендентальной субъективности у Канта ограничивается, как правило, чистой первоначальной апперцепцией «Я мыслю», сопровождающей все мои представления [4, 191]. Это означает, что феномен трансцендентальной субъективности в кантовском понимании

* Исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00925).

рассматривается исключительно в рамках трансцендентальной логики, а именно — в разделах, посвященных разъяснению принципов трансцендентальной дедукции категорий, с одной стороны, и критике паралогизма чистого разума — с другой. Нисколько не пытаясь преуменьшить значение трансцендентальной логики для выявления феномена трансцендентальной субъективности, я все же хотел бы задаться вопросом: не предполагает ли аналитика субъективности обращения к исследованию конституции совокупной системы опыта, заключающей в себе не только теоретическое, то есть опирающееся на чувственность и мышление, но также и практическое отношение к действительности? Такая аналитика должна была бы содержать развернутую интерпретацию:

1) условий возможности допредикативного опыта (исследование априорных принципов трансцендентальной эстетики);

2) принципов конституции предмета познания (исследование априорных принципов трансцендентальной логики, в том числе феномена трансцендентального единства апперцепции);

3) тезиса о существовании общего источника чувственного и рассудочного познания (учение о схематизме чистых рассудочных понятий);

4) утверждения о взаимосвязи чистой первоначальной апперцепции «Я мыслю» и моральной личности как способности чистого рационального определения воли и, таким образом,

5) представления об отношении временной структуры субъективности субъекта и его практической свободы.

В заключение остается лишь добавить, что трансцендентальная субъективность является феноменом в самом строгом феноменологическом смысле, а это, в свою очередь, означает, что аналитика феномена субъективности служит основанием для всех исследований, связанных с объективным описанием различного рода феноменов, данных в естественной установке. По утверждению Гуссерля, «Кант стремится отыскать в субъективности или, иначе говоря, в отношении между субъективностью и объективным [миром] предельное определение смысла объективности, постигаемой в познании» [11, 386]. Но если в рамках объективирующего подхода субъективность субъекта присутствует нетематически, то задачей феноменологического исследования становится выявление и тематизация этого основополагающего феномена.

1. Выявление феномена трансцендентальной субъективности в горизонте теоретического познания

Понятие трансцендентального субъекта «Я мыслю», сопровождающего все мои представления, является ключевым для кантовской системы онтологии природы. «Я мыслю» определяется как синтетическое единство самосознания. Это синтетическое единство является необходимым условием синтеза категорий. Поэтому «синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок» [4, 193].

Приведенное здесь замечание Канта относится к переработанному во втором издании «Критики чистого разума» разделу, посвященному трансцендентальной дедукции категорий и отражает общее намерение представить движение чистого априорного синтеза в качестве результата деятельности рассудка. Тем не менее представление о *синтетическом* характере самосознания «Я мыслю» позволяет утверждать, что феномен трансцендентальной субъективности — субъективности субъекта «Я мыслю» — связан также с идеей чистого чувственного познания. Этот тезис подтверждается заимствованным у самого Канта аргументом: «Если бы чувственность а priori содержала представления, составляющие условия, при которых нам даются предметы, то она бы входила в трансцендентальную философию» [4, 124]. Положение, первоначально сформулированное Кантом в сослагательном наклонении, составляет на деле определяющее основание всей системы критики разума.

Интерпретация кантовской теории чувственного познания является первым шагом на пути к выявлению феномена трансцендентальной субъективности. Представление о предшествующей метафизике негативной науке, «в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности» [6, 522], именуемой в письме Ламберту общей феноменологией (*phaenomenologia generalis*), в первой «Критике» уступает место идее трансцендентальной, то есть онтологической, эстетики. Конститутивный характер априорных принципов чувственности для совокупной системы человеческого познания определяется положением, согласно которому предметы познания должны сообразоваться с соответствующим способом созерцания. Созерцанием называется непосредственное отношение к предмету познания. Акт созерцания обнаруживает предмет, в акте созерцания предмет *дан*. Поэтому созерцание является источником всякого познания. Деятельность мышления заключается в представлении предмета созерцания в понятии.

Здесь следует устранить одно недоразумение, касающееся перевода вступительного предложения первого параграфа «Трансцендентальной эстетики». Кант утверждает, что созерцание и мышление являются средствами познания, при этом созерцание — акт непосредственного представления предмета, мышление же рассматривается как опосредованное представление, функция которого состоит в том, чтобы служить средством для определения содержания созерцания: «Auf welche Art und durch welche Mittel sich auch immer eine Erkenntnis auf Gegenstände beziehen mag, so ist doch diejenige, wodurch sie sich auf dieselbe unmittelbar bezieht, und worauf alles Denken als Mittel abzweckt, die *Anschauung*» (A 19, B 33). В русском переводе: «Каким бы образом и при помощи каких бы средств ни относилось познание к предметам, во всяком случае *созерцание* есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится всякое мышление» [4, 127]. Проблемным является перевод фрагмента «worauf alles Denken als Mittel abzweckt», ибо смысл кантовского положения заключается в том, что именно мышление является средством для созерцания. Мышление в качестве средства стремится к созерцанию, поэтому «всякое мышление» является лишь «средством» и всякое мышление состоит на службе у созерцания, основанием

мышления является созерцание предметов, оно служит для объяснения и определения того, что становится доступным в акте созерцания» [10, 83]. Представление о приоритете созерцания в совокупной системе человеческого познания является основанием радикальной интерпретации идеи познания как мыслящего созерцания (*das denkende Anschauen*) [9, 24].

Созерцание, возникающее в результате воздействия предмета на способность познания, называется чувственным. Чувственное созерцание, возникающее как результат воздействия на способность представления внешних объектов, является по своему происхождению эмпирическим. Корреляты эмпирического чувственного созерцания суть явления как предметы допредикативного опыта. Явления суть действительные предметы конечного человеческого познания. Принципом корреляции эмпирических созерцаний и явлений как неопределенных предметов этих созерцаний является восприимчивость (рецептивность) эмпирического субъекта познания. Однако для решения вопроса о возможности чистого синтетического познания *a priori* необходимо предположить существование чистого, неэмпирического созерцания.

Принципом такого чистого априорного созерцания должна была бы стать чистая неэмпирическая восприимчивость (чистая рецептивность). Такую рецептивность *a priori* Кант связывает с феноменом внутреннего чувства: «То, что может существовать как представление раньше всякого акта мышления, есть созерцание, и если оно не содержит ничего, кроме отношений, то оно есть форма созерцания. Так как эта форма представляет нечто лишь постольку, поскольку это нечто полагается в душе, то она есть не что иное, как способ, каким душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих собственных представлений, стало быть, через самое себя, т. е. внутреннее чувство по своей форме» [4, 149]. Этот способ, каким субъект «воздействует на себя своей собственной деятельностью» (*Selbstaffektion*), и называется чистой восприимчивостью. Сфера чистой восприимчивости внутреннего чувства может быть определена как сфера первичного пассивного синтеза, как структура чистого созерцания, которая одновременно является универсальным горизонтом представления всех явлений возможного опыта.

Формой восприимчивости внутреннего чувства, формой внутреннего созерцания и вместе с тем чистым созерцанием как условием представления всех явлений в опыте является время. Время определяет структуру актов созерцания: всякое созерцание является представлением предмета в настоящем времени (*praesentatio*, *Gegenwärtigung*). В акте созерцания осуществляется первичная конституция предмета во времени. Именно на этом факте основано утверждение Канта о трансцендентальном преимуществе времени перед пространством. Несмотря на то что Кант ограничивается тезисом, согласно которому время есть «непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и тем самым косвенно также условие внешних явлений» [Там же, 138], на деле именно феномен времени является основанием возможности априорного синтеза, посредством которого конституируется всякий акт созерцания, а вместе с ним — предмет допредикативного опыта.

Идея первичной пассивности (Urpassivität der Selbstaffektion) является исходным пунктом интерпретации способа существования субъективности «Я мыслю». Во второй редакции «Критики чистого разума» Кант формулирует принципиальное положение: «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе нельзя было бы мыслить, иными словами, представление или было бы невозможно, или по крайней мере для меня не существовало бы» [4, 191]. Первоначальное единство апперцепции «Я мыслю» делает возможным эмпирическое тождество сознания во всех его представлениях. Поэтому феномен *personalitas transcendentalis* предшествует феномену *personalitas empirica*.

Однако функция трансцендентального единства апперцепции заключается не только в том, чтобы вносить единство в содержание эмпирического сознания. Конституция предмета познания в трансцендентальной логике — в системе категориального определения онтологического статуса предмета — осуществляется в процессе синтеза единства апперцепции «Я мыслю» и времени как чистого созерцания *a priori*. Поэтому только в трансцендентальной логике становится возможным полное определение феномена трансцендентальной субъективности и тем самым полное определение трансцендентальной структуры опыта. Решающим шагом на пути исследования априорных принципов конституции предмета познания («трансцендентального принципа единства всего многообразного [содержания] наших представлений» [Там же, 711]) становится признание синтетического характера актов, посредством которых возникает представление о единстве содержания наших созерцаний. Поэтому Кант заявляет: «Трансцендентальное единство апперцепции относится к чистому синтезу воображения как к априорному условию возможности всякой связи в одном знании» [Там же, 712].

Здесь следует еще раз вернуться к прояснению кантовского представления относительно априорных принципов организации человеческого познания. Всякое эмпирическое познание опирается на формальную априорную структуру (структуру трансценденции субъективности субъекта). Единство синтеза представленного в эмпирическом созерцании содержания конституирует предмет эмпирического познания. В трансцендентальной аналитике понятий Кант показывает процесс конституирования предмета на онтологическом (неэмпирическом) уровне. В этом случае под предметом познания следует понимать то, что возникает в качестве результата деятельности единства апперцепции по отношению к чистому синтезу трансцендентальной способности воображения, то есть к синтезу первичной пассивности. Если свести воедино основные определения трансцендентальной аналитики, то возникнет следующая картина:

1. Единство апперцепции в отношении эмпирического синтеза созерцаний дает понятие рассудка. То же самое единство апперцепции в отношении к чистому первичному пассивному синтезу времени дает понятие чистого рассудка или полную идею трансцендентальной субъективности.

2. Эта трансцендентальная субъективность является источником чистых синтетических априорных суждений: «Суждение есть не что иное, как способ приводить данные познания к объективному единству апперцепции» [Там же, 198].

3. Трансцендентальная субъективность является источником происхождения категорий (чистых онтологических предикатов). Категории суть единства чистого синтеза времени [8, 36].

4. Эти онтологические категории являются правилами, в соответствии с которыми становится возможным определение предмета познания. Предмет познания в формальном определении — нечто=X — это трансцендентальное единство чистого первичного пассивного синтеза, или трансцендентальное единство чистого синтеза времени.

Эти четыре пункта определяют внутреннее единство кантовской теории опыта. Радикальная интерпретация данной теории осуществляется в рамках феноменологии трансцендентальной субъективности. Только на основании полной интерпретации идеи трансцендентальной субъективности могут быть даны дефиниции категорий. В комментарии к таблице категорий Кант говорит: «В настоящем сочинении я намеренно не даю дефиниций перечисленных категорий, хотя и мог бы сделать это. В дальнейшем я расчленю эти понятия до той степени, которая необходима для разрабатываемого мной учения о методе. В системе чистого разума можно было бы с полным основанием потребовать от меня этих дефиниций, но здесь они только отвлекали бы от главного пункта исследования, вызывая сомнения и нападки, которые лучше направить на другие дела, нисколько не вредя нашей цели по существу» [4, 177]. Однако в учении о схематизме чистых рассудочных понятий Кант дает общие дефиниции категорий количества как единства представления о последовательном синтезе однородных единиц, категорий качества как представлений о единстве в отношении синтеза содержания наших ощущений, за которыми следуют дефиниции отдельных категорий (реальности, отрицания и т. д.). Поэтому именно трансцендентальная субъективность является условием возможности чистых синтетических суждений *a priori* и функционирующих в них категорий, а тем самым и условием возможности предметов опыта.

Следующим шагом в рамках проекта, посвященного исследованию феномена трансцендентальной субъективности в кантовской системе критики разума, является феноменологическая аналитика практического разума.

2. Выявление феномена трансцендентальной субъективности в горизонте практического познания

Выявление феномена трансцендентальной субъективности в системе чистого теоретического познания опирается на представление об основополагающей функции единства апперцепции «Я мыслю» в совокупной системе возможного опыта. При этом полное понятие трансцендентальной субъективности содержит в себе представление о необходимой связи апперцепции «Я мыслю» и чистого первичного пассивного синтеза времени (*die Synthesis der Urpassivität der Selbstaffektion*). В системе практического познания такая интерпретация кажется в высшей степени сомнительной в силу следующих соображений. Прежде всего, в «Критике практического разума» Кант в принципе не пользуется понятием

трансцендентального единства апперцепции. Определяющую роль в построениях практического разума играет понятие моральной личности (*personalitas moralis*) как способности чистого рационального определения воли к поступку. «Субстанцией» моральной личности является идея практической свободы. Далее, основанием системы практической философии Канта является теория двух миров, а именно: с одной стороны, представление о взаимосвязи явлений, подчиненных принципу естественной причинности в универсальном горизонте времени, а с другой — представление о свободной причинности умопостигаемого мира. Практическая свобода человека в чувственно воспринимаемом мире является следствием признания принадлежности человека умопостигаемому миру в качестве *Ding-an-sich*. В этом случае идея свободы, составляющая сущность понятия моральной личности, как кажется, исключает всякую мыслимую связь с феноменом времени, то есть с первичной пассивностью, в которой конституируется мир теоретического познания. В таком случае трансцендентальная субъективность «Я мыслю» и моральная личность должны рассматриваться как абсолютно самостоятельные принципы. Но это значило бы, что между первой и второй «Критиками» существует непреодолимая пропасть, то есть означало бы правоту критиков Канта, указывавших на отсутствие в системе Канта принципиального единства ее частей.

Возможность выявления феномена трансцендентальной субъективности в системе практического разума основывается на исходной предпосылке, согласно которой одна и та же трансцендентальная способность является принципом конституции мира природы как взаимосвязи явлений по законам рассудка и равным образом — принципом конституции мира практического существования разумных существ. В перспективе такая позиция предполагает переосмысление кантовского способа построения практической философии, поскольку Кант движется здесь от основоположений практического разума к категориям свободы и далее — к моральному чувству уважения. Если исходить из представления о том, что трансцендентальная субъективность является основанием возможности как теоретического, так и практического применения разума, то следует допустить, что первичная пассивность чистого синтеза времени, определяющая способ бытия трансцендентальной субъективности, каким-то образом связана с идеей практической свободы.

Схематически аналитика феномена трансцендентальной субъективности с позиции трансцендентально-практической философии может быть выстроена следующим образом. В «Основах метафизики нравственности» Кант различает два типа метафизики — метафизику природы и метафизику нравственности [5, 222]. Фундаментальной дисциплиной всякой метафизики является онтология как система всеобщих определений сущего. Теория, содержащая чистые понятия метафизики природы, называется трансцендентальной философией, или онтологией природы. Соответственно теория, содержащая основные понятия метафизики нравственности, должна называться онтологией свободы. Такая онтология должна включать в себя принципы практического разума и связанные с этими принципами чистые понятия практического разума (категории свободы [2, 389]).

Категории свободы являются определениями чистой воли, поэтому исследование вопроса о происхождении чистых понятий практического разума осуществляется как феноменология чистой воли.

Темой трансцендентально-феноменологической аналитики становится феномен практического существования обладающих разумом существ в мире. Мир практического существования является универсальным горизонтом взаимосвязи действий и поступков в коммуникативном пространстве. Отправным пунктом феноменологической аналитики практического существования в мире становится феномен личного мира. Под личным миром понимается горизонт системы ценностей, определяющий предпочтения, способы принятия решений и основанные на них практические действия конкретного индивида. Принцип единства, лежащий в основании взаимосвязи системы ценностей конкретного личного мира, называется максимой (в кантовском понимании этого термина как принципа субъективного определения воли). Максима устанавливает подвижные либо неподвижные пределы личного мира (границы или горизонты в собственном смысле слова). Взаимодействие горизонтов личных миров определяет различные возможности движения исторической жизни.

Применение практически-эгологической редукции позволяет приостановить действие максимы в качестве исключительно субъективного принципа, что открывает возможность выявления общего горизонта взаимосвязи ценностей интересубъективного мира (мира сосуществования). Необходимость такой редукции связана с представлением о том, что система ценностей конкретного личного мира формируется во взаимодействии с различным образом организованными пространствами интересубъективного коммуникативного взаимодействия. Максима широкого образа мышления [3, 307] позволяет тематически определить горизонт интересубъективного мира.

Следующий этап аналитики практического существования связан с осуществлением интересубъективной редукции. Задачей интересубъективной редукции является «заключение в скобки» практически-эмпирического содержания феномена интересубъективного мира. С одной стороны, это дает возможность определить принципы организации такого мира и установить их происхождение в соответствующем эмпирически-практическом разуме, а с другой — осуществить переход от любого эмпирически-практического представления об интересубъективном мире как мире совместного существования к трансцендентальному понятию универсального горизонта всемирности. Идея универсального горизонта всемирности является основанием радикальной феноменологической интерпретации кантовской системы практического разума. Тематическое выявление структуры универсального горизонта всемирности в категорическом императиве [7, 24] является актом, прямо подтверждающим действительность идеи практической свободы в ее положительном значении.

В актах трансцендентально-феноменологической редукции осуществляется радикальное «заключение в скобки» мира как универсального горизонта. Целью этой редукции становится выявление феномена трансцендентальной субъективности.

Трансцендентальная субъективность и универсальный горизонт всемирности являются коррелятами. Исходя из полученного здесь предварительного результата, можно вести речь о существовании коррелятивного практического а priori между феноменом трансцендентальной субъективности, являющейся основанием всей системы чистого и практического разума, и феноменом мира, который из трансцендентально-феноменологической перспективы понимается как универсальный горизонт всемирности существования всех разумных существ. При этом понятие трансцендентальной субъективности не сводится исключительно к представлению о теоретическом единстве самосознания «Я мыслю», но понимается скорее в смысле первоначально-практического феномена «Ich kann» («Я могу») [12, 355; 10, 379]. Чистый синтез настоящего времени как условие возможности существования трансцендентального субъекта и практическая свобода бытия в мире как условие возможности тематического выявления универсального горизонта всемирности оказываются в таком случае связанными определениями.

1. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1989.
2. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
3. *Кант И.* Критика способности суждения // Там же. Т. 5. М., 1966.
4. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. Т. 3. М., 1964.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Там же. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
6. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
7. *Мухутдинов О. М.* Кант и Гегель, мнимое право и «мир наизнанку» // Кантовский сборник : науч. журн. 2016. Т. 35, № 3.
8. *Мухутдинов О. М.* Кант и проблема онтологии // Эпистемы. Вып. 8. Екатеринбург, 2013.
9. *Heidegger M.* Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann, Frankfurt a/M., 1973.
10. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Marburger Vorlesung, Wintersemester 1927/28 // Heidegger M. GA, Bd. 25. Vittorio Klostermann. Frankfurt a/M., 1987.
11. *Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil: Kritische Ideengeschichte // Hua VII. Martinus Nijhoff, Den Haag, 1956.
12. *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil : 1905–1920 // Hua XIII. Martinus Nijhoff, Den Haag, 1973.

Рукопись поступила в редакцию 01 ноября 2019 г.